

М.А. Киселев
(Екатеринбург)

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУДНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В 1715–1718 гг.

В отечественной исторической литературе (не говоря уже о зарубежной) крайне мало приводится сведений о предшественнице Берг-коллегии — Рудной канцелярии, которая действовала с 1715 по 1718 г. В монографии Н.И. Павленко 1953 г. вся история данного государственного учреждения уместилась на менее чем одной странице. Н.И. Павленко привел сведения о том, когда была учреждена канцелярия, кто ей ведал, когда она была упразднена¹. Какой-либо конкретной информации о деятельности Рудной канцелярии его работа почти не содержала. Более того, при прочтении его работы возникает ощущение, что данный государственный орган фактически не действовал, существовал только на бумаге. В частности, Н.И. Павленко отмечал, что «только 8 февраля 1718 г. был определен штат канцелярии: два старых подьячих, два, средней статьи, шесть молодых, два сторожа, три отставных офицера», а уже 13 марта 1718 г. она была ликвидирована². Уже само по себе подобное утверждение говорит об уровне информации о реальной деятельности Рудной канцелярии в 1715–1718 гг., которая содержится в работе Н.И. Павленко, так как такой штат был утвержден Сенатом двумя годами ранее, 5 февраля 1716 г.³

Последующие исследователи государственных органов России первой четверти XVIII в. также приводят крайне мало сведений о Рудной канцелярии. В монографии Е.В. Анисимова 1997 г., посвященной государственным преобразованиям Петра I, содержатся сведения, которые были уже приведены в выше упомянутой работе Н.И. Павленко, а также данные о количестве служащих Рудной канцелярии в 1718 г.⁴ В работе В.А. Манина 2006 г. содержится довольно вольный пересказ текстов Н.И. Павленко и Е.В. Анисимова⁵. Также Рудная канцелярия упоминается в кандидатской диссертации Я.С. Черемисиной, защищенной в 2008 г. В ней автор описывает сложности, возникшие при организации данного учреждения, иллюстрируя тем самым трудности, с которыми приходилось сталкиваться руководителям новых приказов⁶.

Показательно отображение Рудной канцелярии в справочной литературе. Например, данное учреждение вообще не была упомянута в пособии А.В. Чернова по государственным учреждениям XVIII в.⁷; в справочном издании М.В. Бабич имеется только отсылка к монографии Н.И. Павленко 1953 г.⁸ В статье «Рудная канцелярия» из справочника «Государственность России», написанной А.Н. Ерошкиной, содержится пересказ сведений из работы Н.И. Павленко 1953 г.⁹ Таким образом, необходимо признать, что историография данного государственного органа крайне скудна и мало информативна. Это можно объяснить характером источниковой базы исследований. Архив Рудной канцелярии не сохранился, но при этом сохранились ее доношения в Сенат, которые исследователи практически не использовали. В данной работе, опираясь на сведения, по преимуществу содержащиеся в доношениях в Сенат, мы

попытаемся более подробно реконструировать создание и деятельность данного государственного органа по управлению промышленностью в 1715–1718 гг.

В записной книжке Петра I 4 января 1715 г. была сделана заметка «О Рудокопном приказе»¹⁰. Можно предположить, что здесь не обошлось без влияния И.Ф. Блиера, который в начале 1715 г. в очередной раз решил обратить внимание правительства на организацию рудокопного дела¹¹. Уже 17 мая 1715 г. Петр I своим именным указом повелел Рудному приказу «быть по прежнему и ведать его касимовскому царевичу Ивану Васильевичу»¹². Необходимо отметить, что прежний Приказ Рудокопных дел был создан в 1700 г. «для пополнения его великого государя казны» с целью поиска разных руд, прежде всего «золотых и серебрянных и медных»¹³. В ходе первой губернской реформы приказ был ликвидирован в 1711 г. Сам факт, что Петр I опять обратился к идее создания центрального государственного органа по управлению металлургической промышленностью, который не был связан с производством боеприпасов, являлся свидетельством успехов русского оружия в Северной войне, в результате чего появилась возможность начать постепенно переход от решения внешнеполитических проблем на внутриполитические.

Задача по воссозданию Рудного приказа легла на Ивана Васильевича Касимовского и Правительствующий Сенат. 24 июня 1715 г. И.В. Касимовский сообщил в Сенат о том, что хотя «в нынешнем 1715 году мая в 17 день по именному царского величества указу велено мне ведать Рудокопных дел приказ», однако к настоящему моменту «оного приказу, где надлежащие дела управлять, при Санкт-Петербурхе не обретается, также и приказных людей к рудным делам никого не определено»¹⁴. По этому доношению Сенат вынес решение о том, что восстановленному приказу надлежит быть в Санкт-Петербурге, а у дел находиться тем, кто «преж сего в Москве в том приказе были». Также был послан указ губернатору «отвесть в городе где в пристойных местах казарму» для размещения приказа¹⁵. Уже в сентябре того же года И.В. Касимовский подал еще одно доношение, в котором указывал на то, что ситуация не улучшилась. Новое учреждение существовало лишь на бумаге, реально не имея ни помещения, ни служащих. И.В. Касимовский жаловался, что «вновь приносят многие доносители доношение, и ныне по тому их доношению без приказа и без приказных людей отправлять невозможно»¹⁶.

В связи с такой ситуацией Сенат 4 октября 1715 г. повелел в Приказе Рудных дел «быть дьяку Лариону Протасову, для письма дать ис канцелярии Сената молодых подьячих двух человек»¹⁷. Это и были самые первые служащие восстановленного Рудного приказа. При столь малочисленном штате, без соответствующих технических специалистов и какой-либо информации о предмете ведения данный государственный орган едва ли мог осуществлять какую-либо результативную деятельность. Поэтому И.В. Касимовский, не удовлетворенный таким положением дел, 12 декабря 1715 г. подал очередное доношение в Сенат. В нем он указывал на положение Приказа Рудных дел, действовавшего с 1700 г. по 1711 г., на размер его штатов и характер деятельности. Сравнив его с настоящим положением Канцелярии Рудных дел (в этом доношении И.В. Касимовский именовал свое учреждение уже не приказом, но канцелярией), когда к ее делам определены «дьяк да подьячих молодых только 2 человека», он потребовал для изменения ситуации «повелительного его государева указа». В этом указе, по мнению царевича, должно было быть предписано губернаторам от-

править все дела бывшего Рудного приказа в новообразованную Канцелярию, а также всю информацию о существующих на местах горных заводах. Он полагал, что в этом указе должна была быть определена юрисдикция Канцелярии: «впредь в губерниях рудных заводов и мастеров и работных определенных людей ни в чем, опричь Рудной канцелярии не ведать бы»¹⁸. В губерниях должно было повелеть не чинить препятствий возможным экспедициям из Канцелярии, но оказывать им помощь. Также предполагалось определить, что «рудных мастеров учеников, надзирателей и солдат, которые в Рудном приказе были ведомы, опричь тех, которые к делам определены, выслать в Санкт-Петербург в Канцелярию Рудных дел». Кроме того, по мнению И. Касимовского, новое учреждение надлежало укомплектовать приказными служащими «против прежняго», также дополнительно определить «для посылок и надзирания к рудокопным делам ... из дворян или из офицеров, также и солдат» и выделить соответствующие денежные средства на разные расходы, так как «ныне в Канцелярии Рудных дел без денежной казны управлять не возможно»¹⁹.

5 февраля 1716 г., сенаторы, рассмотрев это доношение, полностью его удовлетворили. В губернии были посланы соответствующие указы, было решено дать «из отставных трех человек афицеров, а для посылок же капральство солдат из Военной канцелярии». Определили и штат приказных: 2 старых подьячих, 2 средней статьи, 6 молодых и 2 сторожа. Было повелено выдать из Канцелярии Сената на разные мелочные расходы, «окроме дачи жалованья», 100 рублей²⁰.

Через месяц с небольшим, 9 марта 1716 г., И.В. Касимовский доносил о ходе организации Канцелярии: «... ныне у дел приказных людей дьяк Ларион Протасов, да подьячих молодых Иван Долгополой, Михайло Третьяков, Андрей Белой, да повелено быть из Москвы подьячем Ивану Иванову да сторожей два человека». Также, в соответствии с запросом, в Рудную канцелярию были присланы к делам капитаны Семен Жуков, Федор Секерин, Максим Веляшев, да «для караулов и посылок драгун и солдат капральство разных полков дватцат четыре человека, в том числе капралов два человека»²¹.

Необходимо отметить, что, судя по всему, Рудная канцелярия не была укомплектована приказными полностью, по предписанному ей Сенатом штату. Если в доношении от 9 марта 1716 г. И.В. Касимовский отмечал, что у дел находятся дьяк (Ларион Протасов), 3 молодых подьячих (Иван Долгополой, Михайло Третьяков, Андрей Белой) и, кроме того, должен приехать из Москвы подьячий (Иван Иванов), — всего 5 служащих, то, согласно доношению в Сенат из Рудной канцелярии от 3 июня 1718 г., в данной канцелярии был дьяк (Ларион Протасов), старый подьячий (Иван Иванов), 4 молодых (Иван Долгополой, Алексей Соколов, Федор Максимов, Андрей Бельй), — всего 6 приказных²², хотя по штату полагалось 10.

Имея ограниченный кадровый и финансовый ресурс, Рудная канцелярия относительно активно приступила к выполнению своих функций. Уже в августе 1716 г. от Рудной канцелярии была послана экспедиция по доношению солдата Батурицкого полка Федора Образцова, в котором утверждалось, что «обыскал он близ Саратова в Соколовой горе да в горе в Увеке, да близ Астрахани в Коровье луке да близ Черного яру гора Баскучнег, и по Ахтубе серебрянные руды, да в Темниковском уезде близ Красной слободы в Шаверской горе краску умру»²³. Вместе с доносителем в эти места был отправлен капитан Федор Секерин, и им из Сената был выдан указ, по кото-

рому губернаторам предписывалось «капитану з доносителем в приискиванье руд ... чинить всякое вспоможение»²⁴. В состав этой экспедиции, кроме помянутых двух человек также входил один подьячий и 7 солдат. В том же году была отправлена экспедиция с капитаном Максимов Вейшевым (при нем находился один подьячий и три солдата) в Новгородский уезд «для пробы жемчужного ископания»²⁵. Перед отправкой этих двух экспедиций Петербург покинул капитан Семен Жуков. 28 июля 1716 г. он с одним подьячим и двумя солдатами был отправлен в Москву для исполнения сенатского приговора от 5 февраля 1716 г. «для взятя прежнего Рудного приказу дел, которые остались в Московской губернии, так же приходных и росходных книг, и обрасцовых покупных руд, и горных дел книги о рудных делех и всяких инструментов и для высылки прежняго ж Рудного приказу подьячих»²⁶. Таким образом, к концу лета 1716 г. в посылках находились 3 офицера, 3 подьячих и 12 солдат, то есть почти половина служащих Рудной канцелярии.

Следует заметить, что уровень организации экспедиций, которые были отправлены на разведку полезных ископаемых из Рудной канцелярии, являлся довольно низким. Это было связано с тем, что при ней отсутствовали специалисты по горному делу, каковые наличествовали, например, в старом Рудном приказе. Кроме того, были существенны и материальные затруднения. В частности, 26 июля 1717 г. в доношении в Сенат из Рудной канцелярии сообщалось, что экспедиция капитана Федора Секерина добралась только до Красной слободы, «а ис Красной слободы до Саратова и до Астрахани для ископания руд ехать ему бес прогонных денег нсначем, и за тем ныне остановлен в той Красной слободе»²⁷. В итоге эта экспедиция вернулась только 25 января 1718 г. Экспедиция же капитана Максима Вейшева занималась поиском жемчуга в 1716 и 1717 г., и по ее результатам М. Вейшев «пробной жемчуг привез и канцелярии рудных дел объявил»²⁸. По итогам двух предпринятых экспедиций для поиска полезных ископаемых из Рудной канцелярии можно сказать, что они не принесли каких-либо значимых результатов. В этом отношении данная канцелярия существенно уступала достижениям Рудокопного приказа в 1700–1711 гг. Это было во многом связано с отсутствием в Рудной канцелярии специалистов по горному делу.

Также довольно непросто протекала деятельность Рудной канцелярии по управлению существующими металлургическими заводами. Точнее сказать, это была не деятельность по управлению, а попытка заняться таковой деятельностью. По сенатскому приговору от 5 февраля 1716 г. предписывалось «в губерниях рудным заводам и мастеровым и работным людем быть ведомым в Приказе Рудных дел». Губернаторам было предписано отослать в Рудную канцелярию соответствующие сведения о заводах в их губерниях, о том, сколько «серебряных, медных и железных и иных всяких руд сыскано, и на тех местах всяких заводов заведено и построено, и на рудное дело откуда деньги даваны, и кто ныне на тех заводах мастеров и работных людей быть определено и над ними надзиратели»²⁹. Кроме того, губернаторы должны были выслать в Рудную канцелярию дела старого Рудного приказа и специалистов из него, которые были отосланы в губернии в 1711 г. Однако, как отмечалось в доношении в Сенат из Рудной канцелярии от 26 июля 1717 г., «в прошлом 1716 и в нынешнем 1717 годех ис канцелярии правительствующего сената ... посланы во все губернии ... указы к губернатором с товарищи ... И по тем великого государя указом из губер-

ней о тех рудных заводах ведения не прислано и мастеров и надзирателей не выслано, и затем в Канцелярии Рудных дел ведать непочему и из руд проб чинит некому»³⁰. В ответ на это 31 августа 1717 г. Сенат еще раз предписал «в губернии к генералом губернатором и губернатором и к вице губернатором с товарищми и адмиралтейство послать великого государя указы, дабы они ...ведения и описные книги, и рудных мастеров и учеников и надзирателей, которые ныне не у дел ...выслали в Санкт-Петербурх в Канцелярию Рудных дел немедленно»³¹. Однако особого эффекта этот указ также не принес. Таким образом, и сенатский приговор, и его несколько последующих подтверждений не возымели какого-либо действия на местную губернскую администрацию.

Более эффективной оказалась отправка не указов, а конкретных представителей из центра на места. Результативной оказалась поездка капитана Семена Жукова в Москву. 28 января 1717 г. он привез в Санкт-Петербург «прежняго Рудного приказу дела и с рудными инструментами»³².

Что же касалось текущего положения на казенных заводах, то здесь Рудная канцелярия смогла получить наиболее полные сведения только о деятельности Кунгурского завода. Это было связано с обращением Рудной канцелярии к помощи одного из экстраординарных органов управления петровской эпохи — так называемой Розыскной канцелярии И.Н. Плещеева. В 1716 г. «ис Канцелярии Рудных дел в Москву к нему капитану порутчику Плещееву» было написано, что «царское величество указал по имянному своему великого государя указу ехать ему на Кунгур, взяв с собою рудных плавильных мастеров, и в тех местех, где сысканы медные руды, освидетельствовать подлинно ему самому, и, учиня пробы, прислать в Санкт-Петербурх в Канцелярию Рудных дел»³³. В связи с тем, что сам И.Н. Плещеев был занят на Москве, вместо него был отправлен стольник князь Семен Сонцов-Засекин, который в 1717 г. прибыл на Кунгур. Он провел там сыск о деятельности Кунгурского завода, материалы которого отправил И.Н. Плещееву, а тот передал их в Рудную канцелярию³⁴.

Кроме того, летом 1717 г. бывший «надзиратель» Кунгурского завода Лев Шокуров оказался по своим судебным делам в Санкт-Петербурге, но при этом «ведения о тех рудных медных заводах в Канцелярии Рудных дел никакого не объявил»³⁵. К нему 31 августа 1717 г. отправили с сыскою памятью драгуна Андреяна Семьнина, который нашел его на Василевском острове. Лев Шокуров отказался отправиться на допрос в канцелярию Сената, сказав, что «без ведома светлейшаго князя итти он не смеет»³⁶. В канцелярии Сената он смог появиться только 1 декабря 1717 г., где на допросе сообщил сведения о деятельности Кунгурского завода³⁷. Таким образом, к 1718 г. Рудная канцелярия реально располагала только сведениями о деятельности Кунгурского завода. Об остальных заводах, особенно в Сибири, информация была крайне скудна. По этому поводу можно второй раз процитировать вывод самой Канцелярии из доношения в Сенат от 26 июля 1717 г.: «в Канцелярии рудных дел ведать непочему и из руд проб чинит некому»³⁸.

13 марта 1718 г., в связи с проведением коллежской реформы, по сенатскому указу Рудная канцелярия была ликвидирована³⁹, и, как сообщали из Берг-коллегии, 21 августа 1718 г. ее «дела взяты, а приказные люди и салдаты переведены в Берг-коллегию»⁴⁰. На первое время именно приказные Рудной канцелярии составили основу канцеляристов Берг и Мануфактур-коллегии. В частности, в доношении этой

коллегии от 2 октября 1719 г. отмечалось, что «ныне у дел подъячих толко семь человек старья, присланы з делами Рудной канцелярии»⁴¹.

Как видно из вышеизложенного, больших положительных результатов Рудная канцелярия в своей деятельности не достигла. Опыт, полученный ею, был опытом негативным, который отмечал основные проблемы и трудности, связанные с организацией и управлением металлургических предприятий, не ориентированных на производство вооружения. Рудная канцелярия передала Берг-коллегии свой штат, всю информацию, которую им удалось собрать и обозначенные нерешенные проблемы. Одна из основных проблем, в частности, заключалась в том, что без собственных представителей по управлению металлургической промышленностью на местах деятельность центрального учреждения была обречена на безрезультатность. Этот негативный опыт стал одной из предпосылок начала формирования местных органов Берг-коллегии, в том числе и отправки на Урал в 1720 г. экспедиции В.Н. Татищева и И.Ф. Блериера.

Примечания

¹ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 100–101.

² Там же. С. 101.

³ [Доклад и приговор Сената] 151. О ведении горных заводов и мастеровых и рабочих людей в Приказе рудных дел, и об неделании помешательства и остановки в построении заводов и в прииски руд // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. VI. 1716 г. Кн. I (январь–июль). СПб., 1901. С. 128.

⁴ См.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 207.

⁵ Манян В.А. Эволюция горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII — первой половине XVIII века. Сургут, 2006. С. 59–60.

⁶ Черемисина Я.С. Повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга в первой четверти XVIII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 60–61.

⁷ См.: Чернов А.В. Государственные учреждения России в XVIII веке (законодательные материалы). Справочное пособие. М., 1960.

⁸ См.: Бабич М.В. Государственные учреждения России XVIII в. Справочное пособие. Вып. I. М., 1999.

⁹ Государственность России (кон. XV в. — февр. 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 4: Р-Я. М., 2001. С. 39–40.

¹⁰ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.–Л., 1945. С. 43.

¹¹ См.: Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 15–16.

¹² Полн. собр. законов Российской империи. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 5. № 2908. С. 157.

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Д. 36. Л. 710.

¹⁴ Там же. Л. 624.

¹⁵ Там же. Л. 626 об.

¹⁶ Там же. Л. 630.

¹⁷ Там же.

¹⁸ [Доклад и приговор Сената] 151. О ведении горных заводов и мастеровых и рабочих людей в Приказе рудных дел. С. 127.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Там же.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 685–685 об.

²² РГАДА. Ф. 248. Д. 42. Л. 71.

²³ РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 710–710 об.

²⁴ Там же. Л. 712.

²⁵ Там же. Л. 873.

²⁶ Там же. Л. 872 об. — 873.

²⁷ Там же. Л. 801–801 об.

²⁸ Там же. Л. 873.

²⁹ [Доклад и приговор Сената] 151. О ведении горных заводов и мастеровых и рабочих людей в Приказе рудных дел. С. 128.

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 799.

³¹ Там же. Л. 815.

³² Там же. Л. 873.

³³ Там же. Л. 810.

³⁴ Там же. Л. 810–812 об.

³⁵ Там же. Л. 814.

³⁶ Там же. Л. 821.

³⁷ Там же. Л. 822–823 об.

³⁸ Там же. Л. 799.

³⁹ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 101.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 624. Л. 176.

⁴¹ Там же. Л. 87.

Т.В. Котюкова
(Москва)

«БУЛЬГИНСКАЯ ДУМА» И ТУРКЕСТАН

Решение о создании законосовещательного органа — Думы — и манифесты от 18 февраля и 6 августа 1905 г. с невероятной до того силой обнажили глубину и масштаб общественного противостояния в России. Кризис власти усугубляли обострившиеся противоречия в так называемых национальных окраинах империи. По фамилии тогдашнего министра внутренних дел А.Г. Булыгина, этот проект назвали «бульгинской думой».

Во второй половине июля в Петергофе по инициативе царя, было создано совещание, которое было призвано решить судьбу «бульгинского проекта». Следует отметить, что при обсуждении проекта избирательного закона в Петергофе, сам Булыгин и ряд членов совещания отмечали, что деление части населения на «кочевых и бродячих инородцев» давно устарело и требует скорейшего пересмотра¹.

Опираясь на положение рескрипта от 18 февраля 1905 г., комиссия Булыгина первоначально считала, что выборы в думу должны происходить повсеместно, так как в высочайшем рескрипте не содержалось прямых указаний о том «от каких именно местностей империи надлежит призывать выборных от населения». Но в дальнейшем, выполняя волю царя о сохранении незыблемости самодержавия, комиссия стала прибегать к таким оговоркам, которые свели «на нет» все предыдущие суждения.

В соответствии с ними некоторые категории населения, в том числе, оседлое инородческое население национальных окраин и многочисленные кочевые народы Средней Азии, так называемые «бродячие инородцы», вообще исключались из избирательной процедуры. Мотивировалось такое поражение в правах тем, что эти категории населения «стояли на крайне низкой ступени гражданского развития»².

Возможно, это было связано с тем, что население Туркестанского генерал-губернаторства занимало привилегированное положение в деле отбывания государственных повинностей, в том числе, воинской. Поэтому, считал Булыгин, оно вряд ли с пользой для дела сможет участвовать в заседаниях думы³.

Этот факт беспокоил высшую краевую администрацию. Выяснить причину такой позиции пытался генерал-губернатор Туркестана Н.Н. Тевяшов. В письме